

Текст · 19 октября 2021, 14:40
Юлия Сугуева,

«Это концлагерь, Женя». В колонии Виктор Филинков почти не выходит из ШИЗО и одиночной камеры, а его письма воруют и подделывают

12 — 26 августа. Карантин в строгих условиях

Сразу после поступления в колонию, 12 августа, Виктора Филинкова отправили в двухнедельный карантин, но, вопреки закону, поместили не в обычные условия общего режима, а в одиночную камеру строгих условий отбывания наказания (СУОН), как если бы он отбывал дисциплинарное взыскание.

Поначалу администрация колонии не хотела никого допускать к Филинкову во время карантина — только после жалобы в прокуратуру и УФСИН ему позволили встретиться^[1] со своей общественной защитницей Евгенией Кулаковой.

«У него не было никаких личных вещей, книг, газет, писем; он мог только ходить по камере и сидеть на холодном полу. Первое, что он мне сказал, когда я пришла к нему 13 августа: "Это концлагерь, Женя"», — вспоминает Кулакова.

Первое взыскание Филинков получил в первый же день в колонии, 12 августа, за то, что, по словам сотрудников, во время приемки он

«выразился нецензурными и жаргонными словами». На следующий день его обвинили в том, что он якобы спал днем на лавочке. Эти взыскания 17 августа рассмотрела дисциплинарная комиссия — именно на ней сотрудники колонии решают, как наказать заключенного за сон в неположенное время и другие нарушения. Филинкову комиссия назначила 6 суток в ШИЗО — по три за каждый проступок.

«Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений написаны так, что не нарушать их невозможно, — говорит Кулакова. — Это может подтвердить любой сотрудник ФСИН или заключенный. Расстегнул пуговицу на форме, не поздоровался десятый раз за день с сотрудником колонии — вот типичные поводы для водворения осужденных в изоляторы. И вопрос применения взысканий по таким "нарушениям" — это вопрос исключительно политической воли администрации, инструмент манипуляций и запугивания осужденных, стравливания их между собой».

26 августа — 6 октября. ШИЗО с перерывом на три дня

Как только истек срок карантина, 26 августа, Филинкова перевели в ШИЗО — за те два взыскания, оформленные в первые же дни в колонии. Он снова оказался в одиночной камере с запретом на личные вещи, звонки, свидания и передачи.

«Кровать днем пристегивается к стене. На один час так называемого "личного времени" выдают

случайную книгу или письма», — описывает Кулакова условия в ШИЗО.

«Ни здесь, ни в карантине нельзя ложиться даже на пол, — рассказывал об этом сам Филинков. — Короче, ШИЗО это пытка невозможностью лечь, баландой, скукой и одиночеством (в моем случае, потому что я уже 22 дня в одиночке). А так — чистенько, покрашены и стены, и пол, краска не отпадает».

Через четыре дня, 30 августа, на дисциплинарной комиссии Филинкову назначили еще семь суток изолятора. Теперь — за то, что два дня назад он не поздоровался с сотрудником.

«Сотрудник принес ему бумагу и ручку и сказал, чтобы Витя писал объяснения о том, как он сейчас, получая эти бумагу и ручку, не поздоровался. Это показательный пример спланированных действий сотрудников по водворению Вити в ШИЗО», — замечает Кулакова.

8 сентября, когда Виктор должен был наконец выйти из изолятора, прошла еще одна дисциплинарная комиссия — на ней ему дали пять суток, обвинив в том, что за неделю до этого он «нарушил форму одежды».

«Этот случай — вообще явная провокация сотрудников, — говорит защитница. — Здесь надо рассказать о распорядке дня в ШИЗО. Подъем в 5 утра, отбой в 9 вечера. Все время от подъема до отбоя нужно быть в форме, застегнутой непременно на все пуговицы. За десять минут до отбоя, то есть в 20:50, по громкой связи в ШИЗО каждый день объявляют

подготовку ко сну. За эти десять минут осужденные должны успеть умыться и застелить кровать. Личных вещей, в том числе часов, у Вити не было. Услышав объявление о подготовке ко сну, он снял куртку, чтобы умыться. А на дисциплинарной комиссии выяснилось, что это было в 20:39 (и в доказательство даже есть скриншот с камеры видеонаблюдения)».

Вечером 13 сентября Филинкова все-таки перевели в жилую зону. На следующий день он вышел на работу в швейный цех и сразу получил еще два взыскания: за «недобросовестное отношение к труду» — разговор с другим осужденным — и за то, что «покинул рабочее место во время работы» — отошел к другому станку, чтобы посмотреть, как правильно шить. 16 сентября Виктора снова отправили в изолятор, за эти два нарушения он получил еще десять суток ШИЗО.

«Никакого инструктажа по работе за швейным станком и по технике безопасности Вите никто не проводил, — поясняет Кулакова. — Просто взяли программиста и посадили шить за станок. Естественно, ему пришлось спрашивать совета и идти учиться самому».

Еще десять суток ему дали 21 сентября — теперь за то, что накануне он отказался подметать прогулочный дворик: осужденные должны делать это по графику, но Филинкова с ним не ознакомили. «А в материалах дела потом чудесным образом возник акт об отказе Филинкова от письменного ознакомления с графиком, — возмущается защитница. — Подписан тремя сотрудниками колонии. Это не первый случай, когда в документах дисциплинарного производства сотрудники ИК позволяют себе откровенные

фальсификации: так, из дела исчезли письменные объяснения Вити по двум "нарушениям", а вместо них появились акты об отказе Вити от дачи объяснений».

Таким образом, к 6 октября Филинков пробыл в ШИЗО 38 суток. Если считать вместе с карантином в строгих условиях, то это 52 дня в изоляторе, 32 из них — в одиночной камере.

6 октября — настоящее время. Чесотка в помещении камерного типа

За два дня до конца последнего срока в ШИЗО, 4 октября, Филинков вновь оказался на дисциплинарной комиссии — ему грозило еще десять суток изолятора за повторный отказ подметать прогулочный дворик. Но в итоге ему дали месяц в помещении камерного типа (ПКТ). А также признали «злостным нарушителем режима» — это лишает Филинкова возможности когда-либо вернуться в обычные условия в колонии.

«Витя сразу же написал жалобу в суд, но, похоже, что колония просто не отправила ее, как и многие другие Витины заявления, которые он подавал, и они бесследно исчезали», — говорит Кулакова.

Условия в ПКТ немного мягче, чем в штрафном изоляторе, поэтому там заключенных могут держать до полугода (в штрафном изоляторе не более 15 суток подряд, но, как видно на примере Филинкова, это можно легко игнорировать). «ПКТ, как правило, представляет собой такую же камеру, как ШИЗО, только там еще тумбочки есть. Можно иметь свою

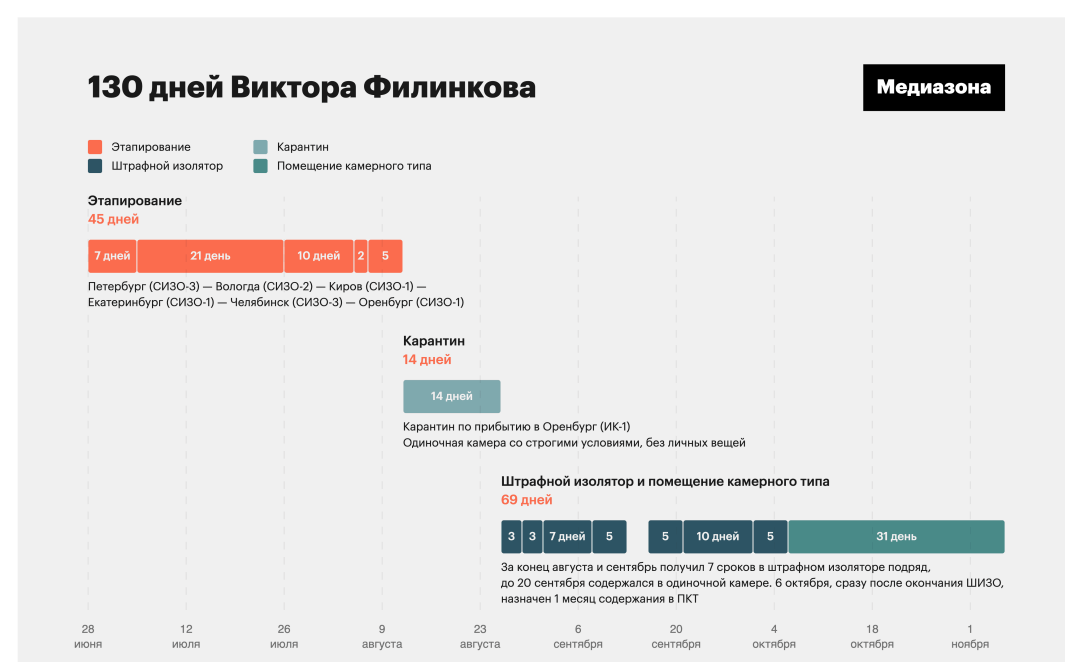
литературу, получать газеты, журналы, приобретать в магазине продукты питания и курить в прогулочных двориках, куда выводят на полтора часа в сутки», — писал бывший фигурант дела АБТО^[2] Иван Асташин, который провел в заключении почти 10 лет.

Но, по словам Филинкова, как и в ШИЗО, книгу и письма ему там выдают только на один час в день.

В камере у осужденных началась чесотка, но ни диагностики, ни лечения они не получали, поэтому приходилось мазаться зубной пастой, чтобы уменьшить зуд, рассказывает Кулакова. 15 октября Филинков сообщил об этом своему адвокату, который отправил жалобы в прокуратуру, региональный УФСИН, Росздравнадзор и медико-санитарную часть №56 ФСИН по Оренбургской области.

В понедельник, 18 октября, когда Евгения Кулакова навестила подзащитного, он рассказал, что утром в камеру пришел сотрудник медчасти с тубиком мази, но сказал, что намажет ей только сокамерников, а Филинкову из-за жалоб он мазь не даст. Ему, по словам сотрудника, нужно будет дождаться дерматолога, который назначит лечение. По этой же причине не приняли лекарства и у защитницы.

«О санитарно-гигиеническом состоянии камер ШИЗО и ПКТ красноречиво говорит тот факт, что матрасы, которые на день забирают у зэков, каждый день выдают разные, они постоянно путешествуют от заключенного к заключенному, — говорит Кулакова. — То же самое и с одеялами, для которых не существует пододеяльников, а только простынь».

Что дальше — СУОН или ЕПКТ? Воруют и подделывают письма

В помещении камерного типа человека могут держать до шести месяцев, но и оттуда его могут отправлять в штрафной изолятор. При этом дни, проведенные в ШИЗО, не засчитывают в срок пребывания в ПКТ. То есть, если, допустим, Филинкова отправят на 10 суток в изолятор, то и в ПКТ ему придется сидеть на 10 суток дольше.

Если через месяц Филинкову не продлят срок в помещении камерного типа, то его ждут две альтернативы: СУОН и ЕПКТ. Первая аббревиатура означает отдельный запираемый барак со строгими условиями, то есть что-то вроде особо охраняемой казармы. Вторая — это единое помещение камерного типа.

И если ПКТ есть почти в каждой колонии, то ЕПКТ это уже отдельное учреждение для самых «злостных нарушителей режима», в каждом регионе таких одно, иногда два. В Оренбургской области такое есть в городе Новотроицк, это ИК-5. Летом этого года заключенные оттуда [жаловались](#) на пытки.

«Помимо физического давления постоянными изоляторами, на Витю все это время оказывается и психологическое давление, — говорит Евгения

Кулакова. — Зная, насколько дорога Вите переписка с многочисленными друзьями и подругами, "бьют" в это место: дают другим заключенным доступ к Витиной переписке, пишут от их имени письма Витиным корреспонденткам, крадут фотографии, вскрывают переписку с защитницей, которая по закону не должна подвергаться цензуре — оперативные сотрудники в разговорах с Витей демонстрируют знание содержимого его переписки».

Кулакова приводит в пример случай, когда двум знакомым, с которыми переписывался Филинков, пришли письма от заключенного — причем пришли в конверте Филинкова. По письму понятно, что автор читал письма Виктора: «пишет так, как будто бы прочитал кучу Витиных писем и как бы продолжает переписку, что "я видел твой дом на фото", или "как там поживают твои котики". То есть пока Витя сидел в ШИЗО, в его письмах рылись и воровали конверты».

Редактор: Егор Сковорода

1. Но и сейчас, по словам Кулаковой, под предлогом коронавирусных ограничений Филинкову отказывают в конфиденциальных свиданиях с защитниками (все свидания проходят через стекло с разговором по телефону, который может прослушиваться) и не разрешают его адвокату присутствовать на дисциплинарных комиссиях.
2. Закон обязывает нас упомянуть, что суд признал АБТО террористической организацией и запретил ее.